

Ани Еганян

Библиотека непрожитых жизней

Ани Еганян

Библиотека непрожитых жизней

«Автор»

2026

Еганян А.

Библиотека непрожитых жизней / А. Еганян — «Автор», 2026

Вера прожила сорок девять лет, постоянно откладывая самое важное на потом. Она не стала той, кем мечтала. Не сохранила любовь. Не успела помириться с дочерью. А потом умерла. Вместо темноты её встретила огромная библиотека, где хранились тысячи книг с историями её других жизней. В одной она была счастливой женой. В другой — знаменитой художницей. В третьей успела спасти мать. Но вскоре Вера обнаружила странную книгу, датированную годом, до которого она не дожила. На её обложке стояло собственное имя. И то, что было написано внутри, оказалось страшнее смерти — и прекраснее любой жизни, которую она могла бы выбрать. Главная мысль книги: «Мы уходим из жизни однажды. Но из чужих судеб — далеко не сразу».

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Пока кипит вода	6
Глава первая. Отдел «Если бы»	7
Глава вторая. Поезд на север	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Библиотека непрожитых жизней

Глава

БИБЛИОТЕКА

НЕПРОЖИТЫХ ЖИЗНЕЙ

Философская повесть

«Мы уходим из жизни однажды.

Но из чужих судеб — далеко не сразу».

Пролог. Пока кипит вода

Вера любила воскресенья за то, что по воскресеньям от неё почти ничего не требовали. Можно было не отвечать на рабочие письма, оставить чашку в раковине, пройти по квартире босиком. Можно было даже представить, что у неё есть впереди время: целая неделя, целый год, ещё одна жизнь, в которой однажды решится всё, что не получилось в этой.

В половине девятого вечера она поставила на плиту чайник и достала из холодильника три лимона. Лимоны купила со скидкой; один уже начал подсыхать. Вера долго рассматривала его, будто от того, разрежет она плод или выбросит, зависело что-то большое.

На телефоне загорелось имя: Лиза.

Дочь не звонила одиннадцать дней. Последний их разговор закончился хлопком двери — не настоящей, конечно: Лиза была в Петербурге, Вера в своём маленьком южном городе. Но даже через экран можно хлопнуть дверью так, что другой человек будет слышать это ещё много ночей.

— Когда-нибудь ты поймёшь, — сказала тогда Вера, — что одними красивыми картинками не проживёшь.

— А когда-нибудь ты поймёшь, что я не обязана проживать твою жизнь? — ответила Лиза.

С тех пор обе молчали. Вера называла своё молчание уважением к чужому выбору. Иногда — воспитательной мерой. Чаще она не называла его никак.

Телефон продолжал звонить. Вера поднесла его к уху, потом убрала. Сначала надо было выключить чайник, вытереть со стола воду, собраться. Разговаривать стоило спокойно, без упреков. Если ответить сейчас, она может опять сказать не то.

«Перезвоню через пять минут», — подумала Вера.

Она перевернула телефон экраном вниз.

Чайник щёлкнул. Вера потянулась к выключателю и вдруг почувствовала, что пол не держит её. Она успела ухватиться за край стола, но рука соскользнула с клеёнки. Лимон покатился по полу и остановился возле батареи.

Последним, что услышала Вера, был повторный звонок.

Потом стало тихо.

Не темно. Именно тихо, словно кто-то убрал из мира все ненужные звуки и оставил только её собственное дыхание. Но дышать она уже не могла.

Когда Вера открыла глаза, над ней было небо из деревянных балок. В воздухе пахло бумагой, пылью и апельсиновой кожурой.

Она лежала на длинной скамье. По обеим сторонам уходили вдаль высокие стеллажи. Где-то очень далеко медленно перелистывали страницы.

— Наконец-то, — сказал мужской голос. — Я уж начал думать, что вы не захотите просыпаться.

Перед ней стоял человек с чернильным пятном на манжете. На вид ему было лет шестьдесят; впрочем, по его глазам возраст определить было невозможно.

— Где я? — спросила Вера.

— В библиотеке.

— В какой больнице?

Мужчина наклонил голову, словно оценивал сложный вопрос.

— Здесь нет больницы, Вера Андреевна. И, боюсь, врач вам уже не понадобится.

Глава первая. Отдел «Если бы»

Вера поднялась слишком резко, ожидая головокружения, но его не было. Ноги стояли твёрдо, сердце не билось. Она прижала ладонь к груди. Никакого движения. Впервые в жизни это ощущение не сопровождалось страхом — страх находился где-то рядом, но будто не мог приблизиться.

— Я умерла? — спросила она.

— Да.

— Вы не можете говорить это так спокойно.

— А как вам было бы легче услышать?

Она разозлилась. На его ровный тон, на запах бумаги, на то, что за библиотечными окнами не было ни улицы, ни неба, а только мягкий золотистый свет. Мир, в котором люди умирают, не имеет права быть таким аккуратным.

— Меня зовут Савелий, — представился мужчина. — Я отвечаю за этот зал. Если бы вы сначала посидели, было бы проще.

— Мне надо позвонить дочери.

— Знаю.

— Нет, не знаете. Она звонила, а я не взяла трубку. Мы поссорились, и я...

— Я знаю и это.

Савелий отодвинул от стола стул. На столе стоял стакан с чаем, в котором плавал кружок сушёного апельсина. Рядом лежала толстая карточка с именем Веры — её полным именем, датой рождения и датой смерти. Дата была сегодняшней.

Вера взяла карточку. В правом верхнем углу было выведено красным: «Открыт доступ к ненаступившему».

— Что это значит?

— Прежде чем прийти сюда, каждый человек успевает прожить одну жизнь, — сказал Савелий. — Но всю дорогу его сопровождают другие. Те, в которых он не сел в поезд. Не ответил на письмо. Открыл дверь. Остался. Ушёл. Здесь хранятся истории этих жизней.

— Вы хотите сказать, есть книги обо мне?

— Много. Большинство людей удивляются количеству. Особенно те, кто уверял, что у них никогда не было выбора.

Он провёл её вдоль стеллажей. Корешки переливались тусклыми цветами. На каждой книге вместо названия стояли короткие фразы: «Если бы она сказала да», «Если бы повернула налево», «Если бы дождалась утра».

— Я могу узнать, что было бы? — спросила Вера.

— Вы можете прочесть. Это не одно и то же, что прожить.

— А выбрать другую жизнь?

— Нет.

Она остановилась.

— Тогда зачем вы мне всё показываете?

Савелий провёл пальцем по корешку ближайшей книги.

— Вы спросили, где находитесь. Я отвечаю. Смысл библиотек не в том, чтобы исправлять книги.

— Но в чём же?

— Иногда — чтобы наконец дочитать ту, которая уже закончилась.

Вера хотела возразить, но заметила невысокую полку возле стола. На ней лежал единственный том без названия. Он был перевязан обычной красной ниткой.

— А это?

Савелий быстро прикрыл том ладонью.

— С этим позже. Сначала посмотрите то, за чем вы пришли.

— Я никуда не приходила. Я вообще не собиралась умирать.

— Это здесь самый распространённый ответ.

Он протянул ей первую книгу. Бумажная обложка была выгоревшей, как фотография, оставленная на солнце. На корешке значилось: «Вера. 1997 год. Поезд на север».

— Вы ведь помните этот поезд? — спросил Савелий.

Она помнила.

Даже через двадцать девять лет помнила точно: перрон, тётю с тремя сумками, запах сырого металла и синий билет, который так и остался у неё в кармане. Тогда её приняли в художественное училище в Петербурге. Мать заболела, деньги кончились, и Вера решила остаться дома. Всем говорила, что добровольно. Себе говорила то же самое.

— Читайте, — тихо сказал Савелий.

Когда она раскрыла книгу, библиотека исчезла.

Глава вторая. Поезд на север

В комнате пахло масляной краской и горячим хлебом. За открытым окном шелестел мокрый двор, по карнизу стучали голуби, а на полу стояли рамы с большими холстами. Вера знала этот запах, хотя никогда не жила среди такого количества красок.

За столом сидела женщина в белой рубашке с закатанными рукавами. Она была похожа на Веру — только иначе держала плечи, словно не привыкла извиняться за то, что занимает место.

Женщина собирала рисунки в папку и сердито говорила в телефон:

— Я не могу сегодня приехать. У меня открытие в шесть, мне ещё со светом разбираться. Мам, ну пожалуйста, не начинай.

Вера сделала шаг и увидела на стене афишу собственной выставки: «Вера Крылова. Города, которых мы не знали».

Значит, она всё-таки стала художницей.

Она разглядывала картину у окна: целая улица, написанная с такой точностью, что в каждой витрине хотелось увидеть лицо. Когда-то Вера любила рисовать дома. Она придумывала им жителей, приклеивала на двери нарисованные звонки и верила, что в каждом городе должен быть хотя бы один дом, в который можно войти без приглашения.

В этой жизни она не перестала верить.

— Мам? — позвали за спиной.

В комнату вошёл подросток — худой, с узкими плечами, чёрной чёлкой и чашкой молока в руках.

— Ты помнишь про мою игру? — спросил он у художницы.

— Стёп, я же сказала, сегодня выставка.

— Я знаю. Просто спросил.

Он отвернулся слишком быстро. Вера узнала этот поворот головы. Не мальчика — своего ребёнка, когда тот делает вид, что ему ничего не нужно.

— Стой, — сказала художница. — Давай завтра сходим, договорились?

— Ты завтра уезжаешь.

Женщина замолчала. Улыбка сползла с её лица. На подоконнике лежал телефон, ещё одна афиша и билет в Москву.

Вера почувствовала болезненную нежность к незнакомому мальчику. Так могла выглядеть её жизнь, если бы она уехала учиться: картины, мастерская, сын, которого она называла бы Стёпой.

А где Лиза?

Она поискала глазами фотографию дочери. На стенах висели портреты коллег и выставочные приглашения. На холодильнике — детский рисунок самолёта и записка с кривым почерком: «Мам, не забудь купить хлеб». Лизы не было нигде.

Вера повернулась к маленькому зеркалу. В нём отражалась другая она — успешная, красивая, уставшая, уверенная. Женщина посмотрела прямо на неё.

— Вам всегда казалось, что в другом городе вы стали бы счастливее? — спросила художница, хотя никто не представлял их друг другу.

Вера вздрогнула.

— Ты меня видишь?

— Нет. Иногда я просто разговариваю с собой. Особенно когда надо собираться на выставку.

Художница улыбнулась своему отражению и на секунду выглядела совсем молодой. Потом быстро стёрла краску с запястья и побежала к сыну, который уже закрыл дверь.

Вера потянулась к ней, но стены комнаты стали прозрачными, запах хлеба ушёл, и снова послышался шелест страниц.

Она стояла в библиотеке. В руках дрожала раскрытая книга.

— У неё есть всё, о чём я мечтала, — сказала Вера.

— Не всё, — ответил Савелий.

— Она художница. У неё большой город, квартира, друзья, выставки. А у меня была бухгалтерия в Доме культуры и пачка чужих отчётов к каждому понедельнику.

— Она забывает о сыне. Вас это не смутило?

— Я тоже забывала о дочери.

— Значит, дело не в профессии.

Вера закрыла книгу. На последней странице было несколько строчек, которых прежде она не заметила: «Через двенадцать лет Степан станет учителем рисования. С матерью он будет встречаться трижды в год. Каждый раз она будет обещать, что теперь у неё больше времени».

— Откуда вы это знаете?

— Книги здесь не заканчиваются на самом красивом месте.

Вера снова посмотрела на корешок. Ей захотелось забрать том и носить с собой, как носят старую фотографию с человеком, в которого когда-то были влюблены.

— А если бы я всё-таки тогда уехала, — спросила она, — Лиза родилась бы?

Савелий промолчал.

Он не ответил, но Вера уже знала ответ. Она села на скамью, приложила ладони к коленям и впервые заплакала после своей смерти.

Она всю жизнь жалела о том поезде.

Теперь оказалось, что если бы она уехала, могла не встретить собственную дочь.

И вдруг несостоявшаяся художница перестала казаться ей потерянной. Она стала чужой. Прекрасной, достойной жизни — но чужой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.